

В.В. ШЕВЦОВ

**«ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
В ДЕЛЕ «СИБИРСКИХ СЕПАРАТИСТОВ» (1863–1865 гг.)**

Томский государственный университет
totleben@yandex.ru

В статье рассматривается участие Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в «Томских губернских ведомостях». Использование областниками неофициальной части газеты в качестве печатного органа стало возможным благодаря уже сложившемуся под руководством редактора Д.Л. Кузнецова направлению издания, определяемому как «предобластничество». Идея самобытного и автономного развития Сибири на страницах газеты разрабатывалась в рамках актуализированной в период александровской оттепели идеи прогресса. Статьи и заметки Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева не носили оппозиционного к центральным и местным властям характера. Они предназначались главным образом для сибирской интеллигенции и должны были служить целям ее консолидации как в Сибири, так и за ее пределами.

Ключевые слова: сибирское областничество, «Томские губернские ведомости», общественное движение в Сибири, сибирская печать.

Как известно, дело об «отделении Сибири от России» во многом возникло и получило развитие случайно. Найденное в 1865 г. у одного из воспитанников Омского кадетского корпуса рукописное воззвание «Патриотам Сибири» повлекло за собой обыски, выявившие причастность к делу бывших студентов Санкт-Петербургского университета, составлявших в столице сибирское землячество. Всего же по делу было арестовано 59 чел. [1, с. 32]. По более позднему признанию Н.М. Ядринцева, автором прокламации являлся иркутский купец С.С. Попов (он же – секретный агент III Отделения) [2, с. 98–110; 3, с. 748]. В ходе следствия вскрылось, что наиболее «злонамеренные» участники заговора – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – использовали для пропаганды своих идей местную официальную газету – «Томские губернские ведомости». Между тем эти статьи и мелкие заметки прошли цензурный контроль. В 1864 г. газета имела 469 подписчиков среди казенных мест (80 из них представляли учреждения Европейской России). Добровольных подписчиков было 55 (6 – в Европейской России, 2 – в других сибирских губерниях и 47 – в Томской)¹. Каким же образом правительственное издание оказалось замешанным в деле о распространении антиправительственных революционных взглядов?

В 1863 г. редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» по распоряжению вице-губернатора П.И. Физеля был назначен учитель русской словесности Д.Л. Кузнецов. При нем неофициальная часть стала открываться передовой статьей, соответствующей дате выхода газеты. Первая такая публикация – репортаж – появилась 13 сентября 1863 г., она посвящалась открытию Мариинской женской гимназии. В следующих передовицах рассматривались вопросы благоустройства Томска, деятельности воскресных школ, открытие в Томске телеграфной

связи, кроме того, редактор призывал наполнять газету статьями о крестьянском населении². Все сколько-нибудь значимые события недели, накопившиеся за это время впечатления и размышления автора доводились в повествовательной форме до читателя. Иногда автор даже сетовал на то, как трудно в провинциальном городе найти тему для передовой, но она рождалась и развивалась в ходе размышлений. Видимо, поэтому статьи Кузнецова выходили такими многословными, с пространными вступлениями, метафорами, переходами от одного предмета к другому. Но при всем том его статьи вызывают интерес. Причудливые повороты мысли, эмоциональность, внимание ко всем сторонам жизни города составляют их авторское своеобразие. Все это позволяет рассматривать Кузнецова как самобытного, динамичного журналиста Сибири.

Кузнецов был автором около 50 публикаций, он жил и работал в Томске с 1858 г. и, безусловно, проникся местными интересами, которые, однако, не выходили за рамки хозяйственных, бытовых и культурных тем. Правда, его статьи иногда затрагивали темы или содержали суждения более широкого свойства. Статья «Положение беглого рабочего с золотых приисков среди сибирской тайги (Из подлинных записок бродяги)»³ представляет собой рассказ ссыльнопоселенца о «горьких страданиях приисковой работы». Кузнецов ратовал за развитие в Томске самостоятельного печатного слова, критиковал тех, кто игнорировал первую местную газету, предпочитая ей столичную прессу, в противовес стремлению «развивать областную жизнь». Он неоднократно обращался с просьбой присылать статьи в ведомости, чтобы «поддерживать местный, возможный по условиям провинциальной жизни орган гласности». Имен-

² Томские губернские ведомости. 1863. 13 сент., 20 сент., 27 сент. 4 окт.

³ Там же. 15 нояб., 29 нояб., 6 дек.

¹ Томские губернские ведомости. 1865. 12 февр.

но гласность, по его мнению, могла бы способствовать равномерному распределению налогов с мещанского населения Томска⁴.

Таким образом, несмотря на то, что Кузнецов не отделял интересы Сибири от России, сосредоточивал свое внимание на частностях, не делая каких-либо обобщений, его публикации о современном Томске можно рассматривать как своеобразное «предобластничество», как начальный этап в разработке вопросов культурного и экономического развития края, расширении здесь сферы образования и, самое главное, на чем позже сосредоточат свое внимание областники, – в развитии самостоятельного местного печатного органа.

В сентябре 1864 г. из Омска в Томск выехал Г.Н. Потанин. Губернатор Г.Г. Лерхе назначил его столоначальником по крестьянскому и инородческому вопросам. В начале 1865 г., по приглашению Г.Н. Потанина, также с идеей журналистской работы, из Омска приехал Н.М. Ядринцев. Мысль об основании регионального печатного органа, возникла у сибирских студентов еще в Петербурге. В своих письмах из столицы Потанин писал о возможностях издавать такую газету в Омске – на средства Сибирского казачьего войска или в Иркутске – на пожертвования от местного купечества [4, с. 43; 5, с. 49]. Официальные газеты Сибири в первые годы своего существования приобрели характер общественного издания, что не могло не быть известным сибирскому землячеству в Петербурге. Это позволяло Потанину и Ядринцеву надеяться на то, что местную казенную газету можно будет использовать в целях будирования общественного мнения в русле областнических идей. В свою очередь, при недостатке сотрудников и материалов Кузнецов при первой же встрече с Потанином предложил ему участвовать в газете. Областники нашли в Кузнецове, если не единомышленника, также мечтавшего об автономии для Сибири, то хотя бы человека, способного понять их взгляды. Так в Томске завязался, по словам Потанина, «культурный узелок» [6, с. 190]. Стремление «глаголом жечь сердца людей» роднило новый коллектив, хотя, надо полагать, Ядринцев и Потанин относились не без иронии как к личности редактора, так и мелкотемью его статьями, возникавших под влиянием «литературного зуда» кандидата богословия. В своем письме к Потанину из Шенкурска в 1873 г. Ядринцев сообщал о своих товарищах по делу о сепаратистах: «...Кузнецов спился в Тюмени учителем...» и дальше продолжал парфразой из «Ревизора»: «Словом, Ив. Петров, Дмитр. Львов. или кто другой играют по-прежнему, на чем им в жизни играть следует: на скрипке или на водке» [4, с. 238].

Основные сибирские вопросы были сформулированы областниками еще в Петербурге: ссылка, подчиненное экономическое положение Сибири, вопрос об инородцах, колонизация Сибири, расширение сферы образования и открытие сибирского университета. Первая статья Потанина – «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири» представляла собой критический разбор статей «Русского слова». Для развития общесибирской проблематики Потанин привлек корреспондентов из Омска, знакомых

ему по службе в казачьем войске, – П.С. Пахорукова и Ф.С. Усова⁵.

С 1865 г. «Томские губернские ведомости» претерпели изменения как по форме, так и по содержанию. Для официальной и неофициальной частей вводилась раздельная нумерация, а сам номер увеличился до 32 страниц. Появилась рубрика «Мелкие известия», содержание которой с № 15 стало анонсироваться в заголовке.

Исходя из содержания и направления публикаций очевидно, что они были написаны новыми сотрудниками газеты. Например, под видом слуха в № 1 за 1865 г. были анонсированы лекции С.С. Шашкова, о проведении которых в Томске у Потанина и Ядринцева уже была предварительная договоренность. «Мелкие известия» размещались в конце номера и в соответствии с названием рубрики набирались более мелким, чем основной текст газеты, шрифтом. Это делалось как по соображениям экономии печатного пространства, так и для того, чтобы содержание публикаций не особенно бросалось в глаза, а воспринималось только теми, для кого графические средства были менее важны, чем содержание. В письме А.Д. Шайтанову Потанин писал, на какие публикации ему и другим «петербургским сибирякам» необходимо обратить внимание, подчеркивая, что «вообще все мелкие известия проникнуты хорошим направлением» [7, с. 73].

Манифестом областничества можно считать большую статью Ядринцева, открывающую 1865 год – «Сибирь в 1 января 1865 г.» с прологом «Vive la mort и да водрузится будущее!»⁶. Отличающимися стилистическими приемами статьи являлись противопоставления: старое/новое, мертвое/молодое, застой/прогресс, косность/развитие, невежество/образование, печальное прошлое/радостное будущее, равнодушие/патриотизм, наезжие чиновники/сибирское юношество, чужое («гниль московской грошевой фабрики»)/свое («свои мануфактуры»), «мертвый капитал»/«минералогические богатства». Поднятая тема сибирского университета получила продолжение в № 5 за тот же год. Еще в конце 1863 г. Ядринцев выступил в Омске с докладом на литературном вечере – «По поводу сибирского университета». Это доклад стал первым выступлением Ядринцева в «Томских губернских ведомостях». В статье «Сибирь перед судом русской литературы» Ядринцев разделял всех авторов, пишущих о Сибири, на «панегиристов» и «поричателей», отказывающих Сибири в будущем. Поэтому актуальной становилась задача создания самостоятельной сибирской литературы⁷. Страниц официальной газеты уже казалось недостаточно, о чем писал и Потанин: «Страшно грустно, что мы не имеем здесь своего органа, чтобы сказать свободное слово. Губернские ведомости очень узкие рамки, чтобы ими довольствоваться» [8, с. 116–117]. Тем не менее именно в последних перед арестом восьми весенних номерах появились статьи Потанина, написанные, по мнению следствия, в «сепаратистском духе» – «Климат и люди Сибири» и «Гражданское увлечение Сибири»⁸.

⁵ Томские губернские ведомости. 1864. 9 окт., 16 окт.; 1865. 22 янв.

⁶ Там же. 1865. 8 янв.

⁷ Там же. 1864. 31 янв.; 1865. 5 марта.

⁸ Там же. 1865. 26 марта, 2 апр., 20 апр.

⁴ Там же. 1864. 18 сент.

Итак, «Томские губернские ведомости» в 1864–1865 гг. стали «органом» областного движения и благодаря деятельности Потанина и Ядринцева официальная газета, до этого не имевшая какого-либо общественного значения, возвысилась до идейной силы, носящей оппозиционный характер. Этот тезис, возникший позднее в среде самих основателей и последователей областничества, прочно устоялся в историографии сибирской печати, но все же нуждается в некотором уточнении и детализации. Как уже отмечалось, направление неофициальной части при редакторстве Д.Л. Кузнецова можно рассматривать как «предобластничество». Уже в первые пять лет своего существования газета приобрела характер силы объединяющей интеллигенцию Томска и Томской губернии. Статьи О.Г. Павлова, Н.В. Виноградского, В.И. Вагина по своей тематике выходили за рамки официальной программы и обнаруживали идеи, позже обозначенные как «сибирский патриотизм» (хотя о необходимости открытия сибирского университета пока еще не было сказано ни слова). Таких людей Г.Н. Потанин называл людьми «с сибирскими инстинктами» [6, с. 86]. Газете необходимо было «расходиться», «размахаться», как писал Н.В. Виноградский, и только скоростная кончина не позволила столь талантливому автору этого сделать. Именно в силу уже сложившегося направления первой томской газеты Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев получили возможность сделать ее проводником тех идей, которые придали ей более яркий общественный характер.

Если обратиться к определению периода работы областников в составе редакции ведомостей, то он будет достаточно короток – 7 месяцев, в течение которых было выпущено 31 номер газеты. После приезда Потанина в Томск, 9 октября 1864 г. в № 40 вышла его статья «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири», а № 19 от 21 мая 1865 г. был последним, к изданию которого были причастны областники. 23 мая в их квартирах был проведен обыск, а арест последовал 28 мая⁹. Следующий № 20 вышел в сдвоенном виде от 28 мая – 4 июня 1865 г., а 16 сентября был арестован Кузнецов.

Областнические идеи в том виде, в каком они развивались в частной переписке и были заявлены на следствии, в газете представлены не были¹⁰. Хотя Потанин и показывал, что с целью распространения своих идей он «стал участвовать в Томских ведомостях и успел сделать их сепаратистским органом» [8, с. 178], но в целом областничество на страницах ведомостей представляло собой воплощение вполне легальной и хорошо известной идеи общественного прогресса. Применительно к Сибири как месту рождения участников «петербургского кружка» и как обширной области с особыми региональными интересами эта идея, все-

гда актуальная для русской интеллигенции, не имела недостатка в материале. Тему прогрессивного развития Сибири областники разрабатывали в критическом полемичном ключе, но без какой-либо оппозиционности к центральному правительству. Утверждалась необходимость перенесения на территорию Сибири тех форм общественной, культурной и экономической жизни, которые уже существовали или получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях – новый гимназический устав, университетское образование, ослабление цензурного режима печати, новые образы в литературе, улучшение здравоохранения, развитие промышленности, строительство железных дорог.

Образцом такого развития для Сибири выступала Западная Европа, и в выборе данного ориентира для русского интеллигента также не было ничего нового. Но, в отличие от своих коллег-модернистов из Европейской России, областники на основе параллелей и особенностей в характере колонизации, экономическом положении, положении коренного населения Сибири открыто или подспудно намекали на североамериканский путь развития.

Именно это обстоятельство, усиленное словами о «свержении российской власти» и призывом к созданию «республики Сибирских соединенных штатов» в рукописной прокламации С.С. Попова, было педалировано следственной комиссией. Статьи в ведомостях не могли послужить основанием для обвинения в сепаратизме при соответствующей позиции допрашиваемых, которые, однако, не стали отговариваться неведением или недоумением и опровергать своего участия в развитии идеи о Сибирской республике, а представили свои взгляды на такую перспективу.

Лица, сами заинтересованные в расширении доказательной базы, заключали, что в трех найденных при обыске у Кузнецова статьях – «Литературный вечер в Омске», «Выборы у казаков с Иртыша» и «Сибирь в 1-е января 1865 года», только «пробиваются мысли автора в вольных идеях и как бы предварительно располагающих публику [разрядка. – В.В.] к сочувствию развиваемого предмета в положении Сибири»¹¹. В донесении жандармского офицера К.Ф. Кретковского указывалось, что все статьи были напечатаны «с пропуском цензуры губернского ведомства». Позже это обстоятельство было объяснено «близорукостью» редактора газеты Кузнецова и губернского начальства. Относительно цензора газеты вице-губернатора П.И. Фризеля Ядринцев составил спустя более 30 лет следующие воспоминания: «Человек пустой, ограниченный и легкомысленный. Он так долго находился под судом Сената, что когда явился в Сибири к генерал-губернатору Казнакову на службу чиновником, он спросил меня, не могу ли я ему написать ответ по поводу вопросов: какие статьи он пропускал?» [разрядка. – В.В.] [8, с. 30, 349].

Эта характеристика напоминает исторический анекдот о петербургском генерал-губернаторе николаевской эпохи П.К. Эссене, который по поводу поданной ему бумаги спрашивал правителя канцелярии, о чем он писал, а затем узнав, подписывал ее. Возможно, Фризель пропускал статьи потому, что в них с формальной точки зрения не обнаруживалось какого-либо скрытого подтекста или намека

⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1106. Л. 1, 16.

¹⁰ Еще находясь в Петербурге и вступая в полемику с Н.С. Щукиным по поводу издания сибирского периодического органа, Потанин делал упор на то, чтобы основным в нем направлением была идея об автономии провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» (Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. № 13. С. 59).

¹¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1106. Л. 37–38об.

(Лерхе также не усмотрел чего-то запрещенного в лекциях С.С. Шашкова и только после того, как они вызвали общественный резонанс, запретил публиковать их в ведомостях [8, с. 116–117]). Те проблемы, которые затрагивали областники, напрямую не касались местной администрации (как это делалось в иркутских ведомостях), поэтому они с легкостью проходили цензурные ограничения. Когда же дело касалось лиц, то реакция была соответствующая: «Статью Вашу [Ф.Н. Усова] о спектакле не пропустил Лерхе; говорит, что на Дюгамельшу написана. В письме в Иркутск Н.С. Щукину Потанин прямо говорил, что его статья «Гражданское увлечение Сибири» содержала в себе «тайный смысл», который нуждается в «толковании» и не будет понят большинством читателей [7, с. 71, 77]. В качестве своих читателей областники видели прежде всего сибиряков, знакомых с идеями об автономии Сибири, или мыслящую и небезразличную к положению края учащуюся молодежь. Для этой цели Потанин организовал бесплатную рассылку ведомостей студентам в Петербург, Москву и Казань [8, с. 178].

Таким образом, статьи неофициальной части носили адресный характер, т.е. в основном были ориентированы на заведомо известного читателя и были призваны служить целям консолидации связей внутри круга сибирской интеллигенции. Следствие заключало, что «соумышленники» называли в письмах друг к другу официальную правительственную газету «*своим органом*» [8, с. 349]. Но это был скорее печатный орган для своих. Как и ранее, в «докузнецовский период», неофициальная часть газеты не имела массового заинтересованного читателя и не могла серьезно влиять на общественные настроения. Поэтому авторы и избирали иногда такой оскорбительно-насмешливый тон, чтобы задеть «миниатюрные мозги» и «туповатые физиономии» местного чиновного общества. Но в результате они были вынуждены в одиночку развивать поднятые ими темы и даже

вступать в полемику друг с другом. Статьи Потанина и Ядрищева о необходимости развития Сибири в самых различных сферах были вполне умеренными и отвечали общим либеральным настроениям в стране. На их «вольнодумный» характер власти обратили внимание только в контексте более серьезного дела о сепаратизме. Тень крамольных слов в обращении «Патриотам Сибири», сказанных против «лихой мачехи России», пала и на «Томские губернские ведомости». Если бы не это воззвание, газета вполне могла бы и далее развиваться в избранном направлении (поэтому арест для участников редакции стал такой неожиданностью). Механизм следственной машины с протоколами допросов, изъятыми письмами, очными ставками привел к формированию целого дела «Об отделении Сибири от России», облекая, по сути невинные, как позже признавались сами областники, и в целом полезные для нужд Сибири размышления в форму антиправительственного заговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 1995. Вып. 1: Областники.
2. Шиловский М.В. Об авторстве и времени написания прокламаций «Сибирским патриотам» и «патриотам Сибири» // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987.
3. Литературное наследство. М., 1959. Т. 67.
4. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2, № 4.
5. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2, № 6.
6. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.
7. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 1, № 23.
8. Дело об отделении Сибири от России: Сб. документов. Томск, 2002.